

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

«ИХ ПРАВЫ». ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ СУДАХ (ПОПЫТКА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ), ИЛИ О ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ НЕМНОГО В ШУТКУ, А БОЛЕЕ – ВСЕРЬЕЗ

А.Т. БОННЕР,

доктор юридических наук,
профессор Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

<https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-13-57>

В данной статье рассматриваются вопросы доказательственного права, в частности некоторые аспекты привлечения в дело и в судебный процесс вещественных доказательств. Так, отмечается, что наличие «вещественных» объектов спора, ставших одновременно вещественными доказательствами, а также их соответствующие свойства и признаки находят отражение в исследованных судом производных доказательствах, в протоколе судебного заседания и в постановленных по делу судебных актах. Автор в качестве одного из тезисов утверждает, что самое главное заключается в том, что без вещественных доказательств, исследованных судом непосредственно либо на основании производных доказательств, обходится редкий цивилистический спор. Данное предположение подкрепляется обращением к конкретным случаям из зарубежной и отечественной судебной практики. В качестве обоснования в исследовании приводится ряд громких, противоречивых и резонансных кейсов, являющихся максимально ярким инструментом иллюстрации выдвинутой точки зрения. В завершении работы автор подводит итоги и указывает, что объективная действительность, а также правоприменительная практика четко отражают многогранность доказательственного материала и доказательственной базы по конкретному делу, а также что правовой статус предметов материального мира порой может меняться и довольно быстро.

Ключевые слова: доказательственное право; доказывание; вещественные доказательства; цивилистический процесс; компаративистика; судебная практика.

**“THEIR MORALS”. MATERIAL EVIDENCE IN FOREIGN
AND RUSSIAN JUDICIAL SYSTEMS (AN ATTEMPT OF COMPARATIVE
CHARACTERISTICS), OR A BIT JOKINGLY ABOUT PHYSICAL EVIDENCE,
AND THEN – MORE SERIOUSLY**

A.T. BONNER,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

In this article, the author examines the issues of evidence law, and in particular, some aspects of involving material evidence in the case and in the trial. Thus, it is noted that the presence of “material” objects of the dispute, which simultaneously became material evidence, as well as their corresponding properties and signs, are reflected in the derivative evidence examined by the court, and in the judicial acts issued on the case. One of the theses of the study claims that the most important thing is that a rare civil dispute gets along without material evidence examined by the court directly or on the basis of derivative evidence. This assumption is supported by reference to specific cases from foreign and domestic judicial practice. As a justification, the study provides a number of high-profile, contradictory and resonant cases, which are the most striking tool for illustrating the point of view put forward. At the end of this work, the author summarizes and points out that the objective reality, as well as law enforcement practice, clearly reflects the versatility of the evidentiary material and the evidentiary base in a particular case, and also that the legal status of objects of the material world can sometimes change quickly.

Keywords: law of evidence; proof; material evidence; civil procedure; comparative studies; judicial practice.

В период существования СССР многие разоблачительно-назидательные материалы, посвященные тем или иным событиям, имевшим место в «странах капитала», в средствах массовой информации нашей страны публиковались под рубрикой «Их нравы». В связи с крахом коммунистической системы и отказом от специфической идеологии «совершенно неожиданно» выяснилось, что никаких особых «их нравов» в странах развитого капитализма, в отличие от «нравов», царящих в странах постсоветского пространства, не было и нет. И там, и здесь люди нередко «гибнут за металл» – спорят по поводу наследства, недвижимости, совместно нажитого имущества супругов, алиментов, установления отцовства и т.д. Вполне естественно, что и вещественные доказательства с целью установ-

ления обстоятельств гражданских дел собираются, исследуются и оцениваются не только в российских, но и в зарубежных судах. Причем и в российской, и в зарубежной судебной практике в отношении данного средства доказывания во многом проявляются одни и те же тенденции. Впрочем, при этом одновременно порой выявляется и определенная специфика «их» и «наших нравов».

Начнем с общего. Можно, не боясь ошибиться, сказать, что в современном цивилистическом процессе практически во всех странах в силу сложившейся практики вещественные доказательства лишь в сравнительно немногих случаях исследуются судами с соблюдением принципа непосредственности. Это происходит из-за комплекса причин. В очень многих случаях у сторон нет спора по поводу существования того или иного вещественного доказательства, например определенного движимого или недвижимого имущества, поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия автомобиля или автомобилей и т.д. В других случаях вещественные доказательства являются достаточно громоздкими (жилой дом, земельный участок и др.). Основные же характеристики объекта спора и одновременно вещественного доказательства (внешний вид, свойства, место нахождения или иные признаки) достаточно подробно воспроизведены в иных приобщенных к делу либо отраженных в его материалах доказательствах (письменных доказательствах, заключениях экспертов, объяснениях сторон или показаниях свидетелей). Чаще всего спор имеет место либо по поводу денежной оценки того или иного объекта спора, одновременно являющегося и вещественным доказательством, либо стороны спорят главным образом о том, какую именно норму права и каким образом применить в конкретном случае.

Поэтому в перечисленных ситуациях у перегруженного делами российского или зарубежного (например, американского) суда нет ни возможности, ни необходимости приобщать к материалам дела либо осматривать на месте, скажем, громоздкое вещественное доказательство, тем более что зачастую это уже сделано экспертами или специалистами.

Однако встречаются ситуации, когда в силу тех или иных причин с целью установления обстоятельств дела суд бывает вынужденным исследовать вещественные доказательства с соблюдением принципа непосредственности. И в такого рода случаях объекты, исследуемые в качестве вещественных доказательств как в российских, так и в зарубежных судах, не слишком отличаются друг от друга. Это могут быть обычные бытовые предметы, жилой дом или участок местности, животное, иногда достаточно редкие или даже уникальные вещи – драгоценности, произведения искусства, а порой – тело или лицо человека с имеющимися на них телесными повреждениями либо определенными физиономическими особенностями. Но в любом случае вещественные доказательства, независимо от того, исследовал их суд с соблюдением принципа непосредственности или нет, зримо (в виде фотографий, видеозаписей, схем, рисунков или чертежей) либо как бы незримо (отражаясь главным образом в объяснениях сторон и показаниях свидетелей) в материалах дела присутствуют.

Наличие «вещественных» объектов спора, ставших одновременно вещественными доказательствами, а также их соответствующие свойства и признаки находят отражение в исследованных судом производных доказательствах, в протоколе судебного заседания и в постановленных по делу судебных актах. Так что есть основания полагать, что «наши» и «их нравы» в плане выводов суда из лишь фигурирующих в материалах дела либо непосредственно исследуемых судами вещественных доказательств в принципе не всегда будут отличаться друг от друга по сходным категориям дел. Самое же главное заключается в том, что без вещественных доказательств, исследованных судом непосредственно либо на основании производных доказательств, обходится редкий цивилистический спор. Но обратимся к конкретным случаям из «их» и отечественной судебной практики.

В течение многих лет советские, а позднее – российские СМИ смаковали время от времени возбуждавшиеся за рубежом дела об установлении отцовства, особенно если такого рода иски предъявлялись к известным или просто богатым людям. Вполне естественно, что в процессе рассмотрения этих дел в качестве вещественного доказательства исследовался генетический материал здравствующего или почившего в бозе предполагаемого отца.

Например, по информации зарубежных СМИ, афроамериканка Бобби Энн Уильямс в течение длительного времени утверждала, что отцом рожденного ею сына является экс-президент США Билл Клинтон. Однако после ее обращения в суд тест на ДНК показал обратное. В то же время в СМИ была высказана версия, в соответствии с которой результат экспертизы оказался отрицательным именно потому, что эксперты исследовали кровь не Клинтона, а совсем другого человека¹. И эта версия не лишена оснований, поскольку подтверждение факта отцовства экс-президента развязало бы сексуальный скандал, на фоне которого история с Моникой Левински могла бы показаться почти невинной шалостью. А вот еще две истории, когда попытки аферисток стать наследницами выдающихся людей окончились ничем. Полученные в результате эксгумации вещественные доказательства не позволили им это сделать.

В 1993 г. некая Марта Ольгадо, спустя без малого 20 лет со дня смерти президента Аргентины генерала Хуана Перона, скончавшегося в 1974 г., обратилась в суд с иском об установлении отцовства. Сеньора Ольгадо сообщила суду, что ее мать, Сесилия Демарчи, якобы была любовницей генерала, когда тот состоял в браке со своей первой женой, Аурелией Тисон. Ольгадо на самом деле имеет поразительное внешнее сходство с покойным аргентинским лидером. И потому она в течение ряда лет утверждала, что Перон всегда считал ее своей дочерью, хотя формально свое отцовство так и не признал.

В порядке подготовки дела к слушанию истица заявила ходатайство об эксгумации останков покойного президента для проведения генетической эксперти-

¹ См.: Ершов Ю. Дети президента Клинтона // Российская газета. 2002. 31 мая.